

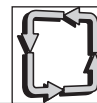
Задачей идеологического работника было воздействие на глубинные слои личности, формирование или изменение ее ценностей и, таким образом, ее существенное изменение в направлении некоторого идеала. Однако сам этот идеал был выражен весьма расплывчато, что не позволяло сколько-нибудь строго оценивать эффективность воздействий.

Современного же политтехнолога мало волнуют глубокие слои личности – ему важен четко фиксируемый результат, скажем, голосование за кандидата А. Можно говорить о том, что его подход – чисто симптоматический. Его интересует не личность как таковая, а возможности манипулирования ее (так или иначе эмпирически фиксируемым) поведением.

Технологии в социальных и технических системах: социально-гуманитарный анализ

Л.А. МАРКОВА

Чтобы разобраться в происхождении понятия «социальные технологии» и его значений, попробуем отталкиваться от понятий «техника» и «технология». Под техникой понимают обычно отдельный материальный предмет (или их совокупность), созданный человеком и призванный облегчить его жизнь. Технология – это тот или иной способ использования технических устройств, очень разнообразных, таких, как паровоз, электростанция, самолет, автомат Калашникова и проч. Способов много, они со временем меняются, как и сама техника, приспособляясь к потребностям человека. Изначально техника машинного производства создается по законам естествознания и призвана прежде всего многократно увеличивать *физические* возможности человека. Духовные потребности в занятиях наукой, искусством остаются в области свободного времени, за пределами производства, в рамках которого человек непосредственно имеет дело с техническими артефактами и законами их функционирования. Такое вытеснение духовности из области, где доминируют сугубо технические отношения, в некую «башню из слоновой кости», имеет, безусловно, и положительное значение. Над человеком творческих профессий не довлеет тяжесть отношений (прежде всего экономических), порождаемых непосредственным контактом человека с техникой. Отношения людей не только в области науки и искусства, но и в быту, в семье, между односельчанами, одноклассниками или солдатами в армии не определяются напрямую техникой. Техника и социальность практически не

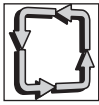


пересекаются. Поэтому понятие «социальные технологии», сочетающее в себе технику и социальность в самых разных проявлениях их взаимодействия, в данной ситуации остается невостребованным.

Разумеется, не все так просто, но не будем сейчас углубляться в анализ процессов, которые привели к технизации, искусственности окружающего мира и, по мнению многих, к необходимости для человека встроиться в этот мир, приспособить к его особенностям свое существо.

В XX в. мир во многом изменился и в немалой степени благодаря новой технике и новой форме связи с ней человека. Если в эпоху классического естествознания и соответствующего типа создаваемой на его основе техники эта последняя была ориентирована на физические способности человека, которые она и приумножала, то теперь компьютерная, электронная техника усиливает его умственные способности, во всяком случае некоторые их аспекты. В эпоху классики общение с техникой делало человека похожим на бездуховный мир природы и соответствующий ей, создаваемый техникой, окружающий человека искусственный мир, чему человек сопротивлялся. В XX и начале XXI в. техника воплощает в себе умственные способности человека и стремится быть похожей на него. С одной стороны, человек всемерно способствует этому процессу, создавая всё более совершенные электронные конструкции, превращающиеся в идеале (а иногда и в реальности) в роботов. С другой стороны, он опасается уже не превращения себя в бездумную машину, а создания думающих машин. Техника не втягивает человека в механизмы своего функционирования, она сама пытается встроиться в умственную деятельность человека и перенести на себя ответственность и право принятия решений не только в рутинных ситуациях повседневной жизни, но и в ответственные моменты существования общества.

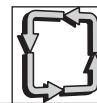
В связи с этим внимание исследователей смещается к социальному полюсу в отношении человек–машина и понятие социальных технологий выдвигается на передний план. Имеются в виду технологические процессы не как выражающие способ функционирования технических устройств, а как способы существования социальных систем. Техника – это «железки», артефакты. Социальные системы – это люди. Социальных систем бесконечно много. Это могут быть устойчивые системы, существующие многие столетия (государство, правовая система, социальная организация науки, религии, армия, медицинские учреждения, культура, семья и т.д.); могут быть и задуманные с самого начала как временные, создаваемые для выполнения каких-то конкретных задач (избирательная комиссия, экспертная организация, фокус-группа и проч.). Социальные технологии обеспечивают более или менее продолжительную устойчивость социальной системы. Эту функцию могут выполнять законы, в том числе и оформленные юридически, правовые нормы, правила поведения, традиции.



Все социальные технологии объединяет то, что они относятся к человеку, они – регуляторы его жизни. Несмотря на многообразие социальных технологий, все они непременно содержат в себе элемент принуждения, необходимости для человека, принадлежащего к той или иной системе, подчиняться правилам (традициям, законам, нормам), которые эту систему формируют. При этом актуальной становится тема: как человек эмпирический, обладающий всем разнообразием своих индивидуальных качеств, вписывается в структуру социальных систем, «заинтересованных» лишь в ограниченном количестве его свойств?

Индивидуальный человек и человек как элемент социальной системы. Если анализом техники и соответствующих технологий занимаются технические и естественные науки (едва ли в поисках причин аварии на японской атомной станции могут помочь гуманитарии), то социальные технологии, определяющие способы функционирования самых разнообразных социальных систем, являются предметом изучения общественных, гуманитарных наук. Их значение возрастает. Понятие «социальные технологии» востребовано, так как оно объединяет в себе все разнообразие именно социальных систем с точки зрения присутствующего в них способа соединения индивидуальных особенностей человека, отличающих его от других людей, и его же способности подчиняться общим нормам поведения, которые делают его похожим на других членов этого же сообщества. Ребенок, поступивший в школу, приучается не шуметь на уроках, готовить дома уроки, отвечать на вопросы учителя. Он обязан это делать, хотя в его дошкольной жизни, да и в теперешней жизни за пределами школы таких обязанностей нет. Он к ним не привык и должен приспособить к ним свою индивидуальность.

Человек в обществе проявляет себя бесконечно разнообразными способами, включается во многие социальные образования, и у любого исследователя возникает вопрос, каким образом присутствует (и присутствует ли) в них человек повседневной жизни, здравого смысла как целостное существо? Ученый за письменным столом или перед экспериментальной установкой остается все тем же обычным человеком со всеми присущими именно ему индивидуальными особенностями, но в своей профессиональной деятельности он их использует далеко не в полном объеме. Но какие же именно? Ученому необходимы профессиональное образование, склонность к логическому мышлению, экспериментальной деятельности и теоретическому конструированию – такие качества и ряд других позволят ему успешно работать в социальной системе научного сообщества. В то же время для работы в науке как системе социальных институтов в качестве менеджера, чиновника, управляющего нужны другие качества. Соотношение индивидуального и общего, имеющее большое значение при фор-

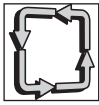


мировании социальных систем и при совершенствовании их функционирования, широко обсуждается философами, социологами, историками науки в XX и в начале XXI в. Действительно, любое социальное сообщество состоит из обычных людей, которые, однако, должны проявить себя определенным образом, если они хотят или вынуждены стать его членами. Индивидуальный, эмпирический человек из социальной системы устраняется, но сохраняет для нее свою значимость как ее необходимое условие, как ее контекст. Общественные науки исходят из того, что социальных систем много и в каждой из них человек проявляет себя определенным образом. Каждая система формирует своего идеального субъекта деятельности на базе тех его индивидуальных особенностей, которые ей необходимы.

Философское мышление прошлого века претерпевает серьезные трансформации в направлении переключения внимания с отношения субъект–предмет (познание человеком внешнего мира, в том числе и человека как его элемента), которое отходит на второй план и перестает играть ведущую роль, на отношение субъект–субъект. Появляются новые философские течения – диалогика, культурология, интересубъективность, коммуникационизм. В каждом из этих направлений философской мысли можно найти черты, отличающие его от любого другого, но в то же время все они опираются на общий базис, отличающий их от философских систем Нового времени. Если для классического (нововременного) мышления краеугольным камнем была монологика, один субъект и один предмет, то для неклассического мышления прошлого века основанием служит плюрализм, субъектов много, как минимум два, а множественность миров активно обсуждается как в науке, так и в философии. Эмпирический субъект уже не так радикально отличается от логического, который приобретает право на наличие у него индивидуальных характеристик, ведь иначе нельзя было бы говорить о многих субъектах. Поэтому и отношение субъект эмпирический – субъект теоретический приобретает иное звучание.

Современная техника служит средством, многократно облегчающим коммуникативные связи в обществе, средством, способствующим интенсификации человеческого общения. Развитие техники и философских исследований однонаправлено, оно сосредоточено на обеспечении (в случае техники) и на истолковании (в случае философии) коммуникативных процессов между людьми. Это обстоятельство еще раз подтверждает большие возможности общественных наук в изучении социальных технологий, возможности, которые используются далеко не полно.

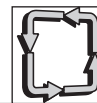
В реальной социальной действительности возникает проблема соотношения эмпирического субъекта повседневной жизни, во всей целостности его индивидуальных качеств, и субъекта социальной системы, обеспечивающего успешное функционирование ее технологий (будь то законы, обычаи, правила, традиции).



Переход эмпирического человека в социальную систему в качестве ее элемента. Каким же образом происходит переход от эмпирии к логике? На каком основании осуществляется отбор именно этих, а не других эмпирических свойств реальных людей? Эта проблема в той или иной степени, в том или ином контексте привлекала внимание всех исследователей социальной структуры общества. В *любой* философской или научной системе человек как эмпирическое существо выводится за ее пределы. Человек присутствует в ней лишь некоторыми своими идеализированными свойствами или действиями, через призму которых, однако, можно понять его как целое. Если взглянуть на системы с точки зрения присутствия в них человеческих характеристик, то они будут различаться прежде всего тем, какие именно свойства человека присутствуют в них в качестве идеальных элементов. Эти элементы, их организация в систему, создают вроде как посредника между человеком и реальным миром, реальность удваивается. Переход в прошлом веке от моноlogики к логическому плюрализму и многосубъектности неизбежно сопровождался такими характеристиками субъекта, как особенность, уникальность. В реальной действительности люди обладают и общими для всех свойствами, и свойствами, отличающими их друг от друга. В моноlogике Нового времени все индивидуальные особенности людей игнорируются, выносятся за скобки, в результате чего мы имеем одного субъекта. В XX в., наоборот, на передний план выдвигаются индивидуальные особенности, благодаря чему только и можно говорить о многих субъектах, о плюрализме в логике¹⁰. Однако этот плюрализм проявляется не одинаково в разных формах общения. Массмедийное общение характеризуется прежде всего наличием *технического* посредника между общающимися, будь то печатное издание, радио, телевизор или Интернет. Само по себе наличие такого промежуточного звена в какой-то мере нивелирует индивидуальные особенности того, кто передает сообщение, и того, кто его получает.

Особенности сетевого общения. Предположим, в Интернете размещается информация о наличии авиабилетов, мест в гостиницах, определенных товаров в интернет-магазине или любая другая информация подобного рода. Даже при самом подробном описании предлагаемого товара или услуги предложение не адресовано персонально

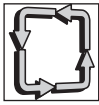
¹⁰ Доминирование плюрализма особенно заметно в исторических исследованиях, о чем свидетельствует, в частности, появление работ типа *case studies*, в которых подчеркивается индивидуальность и особенность отдельных событий в истории. Я бы хотела отметить, что плюрализм выражается не только в выдвигании на передний план индивидуальных событий, но и в том, что новый тип историзма сосуществует с прежним, базировавшимся на понятии развития, когда выстраивается цепочка следования во времени одного события за другим. Это наглядно видно в книге И.Т. Касавина «Текст. Дискурс. Контекст» (М., 2008). Автор реализует ряд *case studies* научными средствами, которые граничат с художественным исполнением, но не пренебрегает и традиционным историзмом, чтобы оттенить те или иные грани своей теоретической конструкции.



вам. Ваши сугубо индивидуальные особенности не учитываются. Имеется в виду, что существует определенная прослойка населения, заинтересованная в получении данной информации. При этом и тот, кто информацию посылает, не принимает во внимание своих личных потребностей. Учитываются интересы компании, руководства телевизионного канала или магазина, интересы, которые, как правило, разделяются соучредителями и сотрудниками, но не являются их индивидуальными, уникальными особенностями.

Информация в этом случае не является индивидуальным посланием, в ней не должны содержаться пристрастия и интересы передающего. Действительно, если продавцу нравятся машины с кузовом синего цвета и он будет заказывать для продажи только такие машины, то едва ли это увеличит число покупателей. Ремесленник, архитектор, художник, поэт могут выдавать продукты своего труда, сообразуясь со своим вкусом, это только увеличит их ценность. Но если между мной и производителем информации (продукции любого вида) оказывается технический посредник, то информация в значительной степени *обезличивается*. И я, ее получатель, учитываю это обстоятельство. Я сам выбираю из всего многообразия предложений то, которое меня больше устраивает. Мои сугубо личностные особенности как индивида остаются за бортом функционирующей системы. Полисубъектность присутствует в ней не как общение двух или более индивидуальных субъектов, а как функционирование коммуникационной социальной системы, в которой принимаются во внимание в первую очередь интересы определенных групп населения. Например, далеко не всеми покупателями ценится multifunctionality приобретаемого товара, хотя бы потому, что за нее надо больше платить, или максимально высокая скорость автомобиля, которая может снижать комфортность салона. Средства массовой информации ориентируются на те или иные слои читателей, зрителей или слушателей, когда создают свои программы. Здесь тоже нет задачи завоевать в качестве потребителя конкретного человека, привлечь его внимание. Это же относится к политическим партиям, стремящимся получить больше голосов на выборах. Они учитывают интересы не какого-то конкретного человека, а определенной части населения с родственными запросами и ожиданиями.

Разумеется, всегда, при любом способе общения между людьми имеют место два полюса: чтобы было, кому общаться, должны быть *разные* люди, отличающиеся друг от друга. Но чтобы эти люди могли понять друг друга, у них должны быть и общие свойства, прежде всего общий язык, пусть и в результате перевода. В целом ряде случаев они не смогут понять друг друга, если принадлежат к разным культурам, разным цивилизациям. Продавец кухонного комбайна не встретит понимания у аборигена джунглей на Амазонке и едва ли найдет в нем покупателя. Дело не в том, что не признаются существующими те или иные свойства людей (быть разными или одинаковыми), а в том,

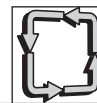


что в первую очередь во внимание принимаются те или иные их характеристики.

Однако общение через средства массовой коммуникации отличается от диалога или intersубъективности. Вне всякого сомнения, любая теория массмедиа исходит из наличия многих субъектов и их отличия друг от друга, что и обеспечивает возможность функционирования всей системы. Дальше можно, однако, говорить о специфике общения, прежде всего в Интернете. Здесь действительно много индивидуального, личного. Можно завести свой сайт, почтовый ящик электронной почты, стать блогером. В Интернете размещены сведения, причем частного характера, почти о каждом человеке, хоть как-то проявившем себя в обществе (неважно, с положительной или отрицательной стороны). Но в то же время нельзя не заметить, как широко распространены здесь анонимность, псевдонимы, пароли, которые призваны скрыть личность автора того или иного высказывания.

Стирание границы между общим и индивидуальным. Если в обществе классического мышления в отношении человека к миру доминировало понятие *общего*, в неклассике в отношении человека к человеку – *индивидуального* и *особенного*, то в мире массмедийного общения граница между общим и индивидуальным стирается, становится малозначимой. В теорию сетевого общения (общения в Интернете) в качестве идеального ее элемента входит коммуникация как такое общение между людьми, в котором не являются доминирующими ни их общечеловеческие характеристики (способность ощущать, думать, говорить, противостоять внешнему миру как не-Я человека), ни их индивидуальные, уникальные особенности (отличающие их от любого другого человека). Сразу же оговорюсь, что те свойства реальности, о которых идет речь, присущи не только Интернету, они присущи всем массмедиа (печатным, аудио, видео), но в сетевом общении они проявляются особенно заметно и в наибольшей степени являются для него определяющими. Создается реальность принципиально нового типа.

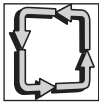
В предлагаемой в Интернете информации я не смогу найти такую, которая предназначена *мне лично*. Но я могу искать сведения, ориентированные на определенные группы пользователей. Например, если мне нужно купить диван, я начну поиск с мебельных интернет-магазинов, и среди их предложений выберу подходящий мне товар. Не исключено, что какие-то из моих запросов не будут удовлетворены. Это значит, что предлагаемые варианты не могут в принципе учитывать все интересы всех возможных покупателей. Принимаются во внимание *общие* интересы определенной группы покупателей. В данном случае – желание людей купить именно *диван*. Но в то же время предлагается много вариантов диванов, и вы можете выбрать максимально вам подходящий. Максимально подходящий из предлагаемых, но почти наверняка не удовлетворяющий пол-



ностью всех ваших пожеланий. Это не индивидуальное предложение, хотя и имеется в виду, что люди все разные. Можно вспомнить понятие «семейного сходства» в теории языковых игр Л. Витгенштейна. Да, значение слова меняется в зависимости от условий его применения, но слово-то все то же самое. Так и в нашем случае: покупатели все разные и запросы у них разные, но купить-то они все хотят одну и ту же вещь – диван. Трудно сказать, что в этом случае важнее. Будет ли торговля идти успешнее, если продавец ориентируется на количество покупателей (чем больше, тем лучше), желающих купить диван, т.е. на *общее*, что их объединяет, или же будет учитывать разнообразие вкусов покупателей, т.е. на то, что делает их *разными* при покупке дивана. В последнем случае продавец думает не только и даже не столько о количестве самих диванов, сколько о количестве их вариантов. Нельзя сказать, что для продавца важнее: *общее*, объединяющее покупателей в их желании купить именно диван, или *индивидуальное*, наличие у них разных представлений о том, какой диван им больше подходит.

При этом личные вкусы и предпочтения самого продавца (или, более широко, организатора торговли, менеджера) не играют доминирующей роли. Главное, чтобы он чувствовал состояние рынка, понимал, какой товар будет наиболее востребован. Безусловно, решение им этого вопроса будет зависеть и от его собственных вкусов, но они не должны быть определяющими. Смещение общего и частного, размывание границы между ними в процессе общения-коммуникации, неизбежно имеют место. Смещаются и многие другие границы, ставшие привычными и казавшиеся незыблемыми. Именно эта черта сообществ людей разного масштаба и разной ориентации их деятельности и вкусов является одним из главных элементов эмпирического базиса социологических систем.

Эмпирический субъект как контекст социальной системы. В социологических и философских системах прорабатывается, обдумывается способность человека осознавать себя одновременно уникальным существом, обладающим только ему свойственными чертами, отличающими его от любого другого человека, и в то же время принадлежащим многим социальным структурам (нации, культуре, рабочему коллективу и т.д.) благодаря наличию у него *общих* свойств с людьми из соответствующего сообщества. В форме общения на базе классического мышления доминирует *общее, обобщение*. В диалоге и интересубъективности – *индивидуальное, особенное*. В коммуникации стирается граница между общим и индивидуальным. Общение осуществляется на базе наличия того и другого в равной мере. Предположим, я служу в армии. Для этого мне необходимо обладать определенными *индивидуальными* качествами. Учитываются возраст, состояние здоровья, профессиональные навыки, способность строго



соблюдать соответствующие правила поведения и многое другое. Из общей массы людей в обществе, из всего разнообразия *эмпирических субъектов* в армию отбираются люди, обладающие именно этими свойствами, теми, которые отличают их от других людей. Но в самой армии как раз эти черты делают их *похожими* друг на друга и они становятся логическими элементами социологической теории, изучающей механизмы поведения (социальные технологии) в армейской жизни. Эмпирический субъект остается за пределами теории как ее *контекст*, как условие существования армии.

Возникает, однако, вопрос: можно ли полностью освободиться в социологической теории от контекста, если он – необходимое условие ее существования? Предположим, военнослужащий обладает всеми необходимыми для армии качествами. Но ведь он продолжает оставаться человеком не только армейской, но и повседневной жизни. Его поведение, в том числе и армейское, в большей или меньшей степени продолжают определять многие обстоятельства: воспитание, дружеские и родственные связи, отношение к политическим событиям, искусству и т.д.

В последние десятилетия аналогичная проблема активно обсуждается в философии и социологии науки главным образом в связи с анализом процесса возникновения нового знания. Новое знание не выводится из старого, если оно там уже содержалось в том или ином виде, оно уже не новое. Новое в науке рождается из контекста, составляющие которого, как правило, к науке отношения не имеют. Можно ли сказать, что новое знание возникает из своих собственных корней? Но если эти корни ненаучные, каким образом оно тогда вписывается в уже существующую структуру знания? Каким образом осуществляется этот переход от ненауки к науке? Только на первый взгляд может показаться, что в случае с армией дело обстоит иначе. На самом деле превращение обычного, *эмпирического* человека в солдата реализуется ничуть не проще. Мы знаем, как сильно искажаются нормы армейской жизни (ее устава) привнесением в эту жизнь отрицательных черт нашего современного общества. Контекст не является чем-то абсолютно внешним по отношению к порождаемому им явлению. Но каким образом размывается и эта граница между контекстом и наукой, контекстом и армией, контекстом и социальными технологиями любой социальной системы? Здесь не место подробно останавливаться на взглядах философов, пытающихся ответить на этот вопрос. Но я хочу отметить актуальность проблемы перехода через границу от контекста к тому, что на его базе рождается, от эмпирии к теории, в нашем случае – от эмпирического субъекта к теоретическому¹¹.

¹¹ Хочу обратить внимание на такой подход к изучению социальных технологий, когда рассматривается возможность социологических и эпистемологических исследований воздействовать на их формирование и развитие в том или ином направлении. Я имею в виду статью: *Касавин И.Т.* Социальные технологии и научное знание // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXVI, № 4.